

февраль-март 1990 г.

З.И. Файнбург, Г.П. Козлова

Пермский политехнический институт

ЧТО ЕСТЬ СОЦИАЛИЗМ?

Проблема определения понятия «социализм» изначально не была лишь объектом академического размышления. Она родилась в пылу политической полемики: утопические сочинения Томаса Мора и Томазо Кампанеллы были продуктами политической борьбы своего времени, при том, что авторы еще не знали самого термина «социализм». Его просто не существовало.

Понятие и термин «социализм» в XVIII-XIX вв. мелькает в самой гуще заговоров, бунтов, революций, становится неотъемлемым атрибутом политических программ самых разных движений. «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса окончательно, казалось бы, закрепил понятие «социализм» за сферой самой острой полемической и политической борьбы.

Однако, как нам кажется, пик политизированного понимания понятия «социализм» все же уже пройден. События последних лет постепенно разделяли и, наконец, разделили политический и научный подход к пониманию этого явления и его понятия. Оно, безусловно, еще очень долго будет возникать на митингах и собраниях, на страницах политических деклараций и программ, но какая-то из главных сторон проблемы уже прочно утвердилась в качестве темы строгих исследований в тиши научных кабинетов. Все чаще именно далекие от исканий истины на площадях люди (к которым авторы относят и себя) стали копаться в дефинициях, умозаключениях и резюме, статистических справочниках, стараясь не отвлекаться на шумы очередного митингования...

Вокруг идеи и практики социализма какое-то время еще будут пылать костры современных аутодафе. Но, если наука что-либо выбрала предметом своих занятий, то свою хватку уже не ослабит никогда. В конце концов наука все равно высветит истины, отвергнет заблуждения, отделит вечное от сиюминутного, отодвинет эмоции на положенное им место.

Наивно и глупо было бы устраивать многотысячный митинг по поводу, скажем, второго закона термодинамики. Мы полагаем, что в наш бурный век такая же - нормальная для науки - судьба забрезжила, наконец, и для многострадальной проблемы социализма. Если оказалось возможным политизировать теорию относительности, квантовую механику, молекулярную биологию, кибернетику, то для общественных наук нет нужды и изобретать что-либо: они в каких-то пунктах по самой своей сути, по самому предмету своему сопряжены с политической жизнью. Наука об обществе должна быть связана с политикой, всегда будет с ней связана, но она не должна забывать и свое отличие от политики.

Статья I. Социализм как объект исследования: опыт современной трактовки проблемы¹

Социалистические идеи XVI - нач. XIX в.в. (вполне, кстати сказать, точно отражавшие уровень социальной практики своей эпохи) абсолютизируют роль субъективного фактора в преобразовании общества. Социализм трактуется как продукт волевого усилия, нравственных побуждений, морального выбора и т.п.

Мы полагаем, что густая тень именно такой интерпретации именно такого (волевого) перехода к социализму осенила поиски политических путей преобразования общества в значительной части коммунистического движения первой половины XX века. Именно с этих и только с этих позиций могло показаться закономерным, что узкий круг людей мог выбирать: «Делать революцию или нет?».

Именно в русле «волевого» решения перехода к социализму, с одной стороны, появляются мысли и практика «насилия» над историей, рождающие не лишённые иронии суждения Ортеги-и-Гассета о возможности истинной последовательной реализации идей социализма как науки в русской революции², а с другой, появляются мысли и стремления авантюристов от истории типа И.В. Сталина, Мао Цзедуна, Н. Чаушеску и т.п.³ использовать образующуюся волевыми усилиями возможность эксплуатации революции в своих собственных личных планах.

Гуманистическая природа коллективистских отношений, социалистического идеала (так точнее следовало бы называть ранние идеи о социализме) была осмыслена весьма полно достаточно давно, еще в эпоху утопистов. Однако объективные основания движения общества к такому «должному» обществу, к его коллективистским отношениям оставались не выявленными. Казалось, что все дело лишь в свободном выборе между реальным и «должным» обществом.

Именно шаткость представлений об объективных основаниях идеи коллективности (идеи социализма) позволяет рассматривать и ее гуманистическую интерпретацию у А. де Сен-Симона и «казарменный коммунизм» Г. Бабефа в качестве равно возможных вариантов выбора. Была налицо идея социализма, но материальная обусловленность этой идеи не была еще ясна, ибо не было связи этой идеи с научным пониманием направленности истории.

¹ Авторы предполагали написать серию статей, однако жизнь распорядилась иначе. В архивах осталась рукопись только первой статьи, написанной в феврале-марте 1990 г. Другие статьи, скорее всего не были написаны. Весной и летом 1990 г. Захар Ильич много работал над своей книгой «Не сотвори себе кумира», затем начал перерабатывать книгу о коллективистском обществе, но 10 сентября 1990 его не стало. Творческие планы прервала смерть. – Издатель, ГЗФ.

² «...Если бы марксизм победил в России, где нет никакой индустрии, это было бы величайшим парадоксом, который только может случиться с марксизмом» писал Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Вопросы философии, 1989, № 4, с. 131.

³ Такие персонажи чрезвычайно типичны для любых переломных моментов истории (когда объективное еще скрыто в тени, а на авансцене – лозунги и митинги, штыки и батальоны). Странно было бы, если бы среди такого рода «пассионариев» (по Л.Н. Гумилеву) не нашлось бы «любителей» проскакать верхом на истории в седле идей социализма... – ЗИФ и ГПК.

Огромный вклад в структуру связи идеи социализма с объективной направленностью истории внес, как известно, марксизм. Однако волею судеб марксизм оказался прикрытием, дымовой завесой непомерного властолюбия, персонажей разнообразных «культов» и весьма неожиданно, если иметь в виду идеи его создателей, оказался в роли «государственной религии».

Сакрализация марксизма сделала невозможным собственно научное исследование его положений и предположений. А без критического анализа подходов к проблеме социализма в работах К. Маркса и В.И. Ленина невозможна интерпретация понятия «социализм» в логике современной науки. Конечно, К. Маркс и В.И. Ленин отнюдь не были единственными, писавшими о социализме, а абсолютизация точки зрения какого-то одного исследователя - не более чем рецидив религиозоподобного сознания и не приличествует серьезному научному подходу. Однако и без объективного исследования вклада К. Маркса и В.И. Ленина в теорию социализма никакой современный социализм не может быть понят.

Открытая десакрализация классического наследия К. Маркса и В.И. Ленина началась в СССР сравнительно недавно⁴. Первая ее волна, как это всегда и всюду было в истории, не обошлась без истерического оплевывания вчерашних идолов⁵. Но что вполне уместно в религиозном (или религиозоподобном) «культе» и идеологическом угаре, лишено какой-то продуктивности в строгой науке. Наука нуждается не в смене поклонения на поношение, а требует строго критического объективного анализа классического наследия, оценки его в ключе последовательного историзма⁶.

Повторим, что объективное научное обоснование идеи социализма было найдено в середине XIX в. Решающую роль здесь сыграли работы К. Маркса и Ф. Энгельса.

Перенос продуктивной методологии научного познания, научного видения мира из естественных, частных, конкретных наук в качестве *всеобщей методологии познания и понимания мира* в социальные науки обусловил «онаучивание» социального познания, поиски научной интерпретации социального процесса. В рамках этой методологии идея социализма стала рассматриваться

⁴ Статья написана весной 1990 г. - ГЗФ.

⁵ Отказ от старого всегда начинается в истории оплевыванием вчерашних идолов, причем обычно в ключе приемов той же методологии, что раньше служила для апологии. Безусловно, что страсть к разрушению вначале преобладает над поисками конструктивного и объективного. Оплевывание и разрушение - единственное, на что способна охлократия, нуждающаяся, как и всякая такого рода стихия, в своих пророках. Оплевывание К. Маркса, да и В.И. Ленина, стало модным и широко распространилось. (даже полуграмотные репортеры молодежных газет ищут себе лавров на этом поприще). В качестве типичного примера внешне наукообразного покушения на творчество К. Маркса, однако на самом деле осуществленного по классическим рецептам ждановско-сусловских "проработок" является статья Ю.Г. Буртина "Ахиллесова пята исторической теории К.Маркса" // Октябрь, 1989, №№ 11, 12. Вульгарная апологетика сменяется сейчас столь же вульгарным негативизмом, начисто лишенным и историзма и объективности. Идет своего рода идеологическая вендетта... - ЗИФ и ГРП.

⁶ См. нашу статью: Файнбург З., Козлова Г. Концепция против цитаты (о современном прочтении классического наследия) // Экономические науки, 1989, № 1. - ЗИФ и ГПК.

как объект исследований уже собственно научного характера:

- (1) существует ли объективная историческая тенденция, ведущая к коллективистскому по своему типу обществу, то есть обществу социалистическому?;
- (2) какой из ведущих элементов социальной структуры буржуазного типа общества может реализовать свои интересы, только опираясь на тенденцию общественного развития, ведущую к социализму?;
- (3) обуславливает ли общественное развитие к социализму, т.е. движение к доминированию коллективистского над индивидуалистским, общий формационный прогресс общества, то есть, другими словами - реализуются ли в этом историческом продвижении интересы всего человечества, или речь идет только об одном из вариантов развития, в котором заинтересована лишь какая-то часть социальной структуры общества?

Можно дискутировать о том, каковы достоинства и недостатки ответов на эти вопросы той или иной научной школы, того или иного направления. Но сама постановка проблемы в этой плоскости переводила идею социализма из сферы чистой идеологии в сферу науки. Политические обстоятельства могли обуславливать в том или ином конкретном случае предельную идеологизацию попыток ответа на эти вопросы, но сама их постановка теперь должна была осуществляться в том методологическом ключе, который автоматически «удерживал» постановку проблемы и ее решение в сфере научного поиска.

С самого начала перевода проблемы социализма в плоскость науки об обществе еще у самих К. Маркса и Ф. Энгельса достаточно четко обозначились две «линии» ответов на поставленные вопросы.

Одна линия делает акцент на выявлении класса, который призван совершить политическую революцию и через нее вести общество к новому качественному состоянию общества. Другая линия делает акцент на стихийности процесса эволюционного возникновения нового формационного качества в ходе объективно необходимого развития старого.

В произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса первая линия, по нашему мнению, представлена следующим образом: «Манифест Коммунистической партии» - «18 брюмера Луи Бонапарта» - «Гражданская война во Франции» - «Критика Готской программы», а вторая линия - I глава «Немецкой идеологии» - «Капитал». Первая линия представляет авторов как выдающихся *революционеров*, память о которых, безусловно, остается в истории, вторая - как выдающихся *исследователей*, значение работ которых - непреходящий вклад в фундаментальную науку.

Совершенно очевидна взаимосвязь и взаимообусловленность обеих линий подхода к проблеме социализма. Эта взаимосвязь объективна: она отражает взаимообусловленность, взаимодополнение *эволюции* и *революции* в продвижении общества к новому качеству.

Однако мы полагаем, что для современной теории социализма важно не только подчеркнуть единство этих двух линий постановки проблемы, но и обо-

значить их существенные различия. Не акцентировав эти различия, очень трудно в ключе историзма дать критический анализ постановки проблемы о социализме.

Идеологическая традиция радикализма (к которой тяготело в политике коммунистическое движение) безусловно, акцентировала (а порой и абсолютизировала) первую линию. Идеологическая традиция либерализма (которая отчетливо была выражена в политических установках социал-демократии) не только и не просто тяготела ко второй линии, но и абсолютизировала ее. Это отражалось в методологии, используемой обоими течениями, как противостояние равно далеких от идеальной, строгой научности тенденций, соответственно, либо к догматизации и вульгаризированному идеологизму либо к эклектике и релятивизму.

Можно предположить, что наука, если бы она была поставлена в идеальные условия взаимообогащения в ходе взаимной критики позиций, нашла бы ключ к оптимальному для данной ситуации синтезу революционной и эволюционной трактовки пути к социализму. Однако в реальной жизни это было невозможно, ибо за научными школами стояли политические партии с их бескомпромиссным противостоянием друг другу⁷. Более того, за политическими партиями стояли еще и государства со своими реальными (и надуманными тоже) интересами, порой вульгарно эгоцентристскими. В итоге в социальной практике «эволюционисты» третировали «революционариев» в качестве авантюристов и политических гангстеров, а «революционарию» третировали "эволюционистов" в качестве соглашателей и лакеев классового врага. Эти интерпретации стали рушиться только сравнительно недавно, просуществовав почти век.

Поэтому концепция социализма фактически проверялась (и в значительной мере продолжает проверяться до сих пор) пресловутым методом проб и ошибок. Поскольку пробы были весьма и весьма масштабны, столь же масштабны были и ошибки, оплаченные очень дорогой ценой.

Однако остановить научную мысль (тем более, в гуманитарной области) было невозможно. Вместе с тем крайне неблагоприятные для развития науки условия: догматизация и предельная идеологизация науки у «революционариев», эклектика, релятивизм (что уж вовсе парадоксально) и более или менее ясно выражавшееся негативное отношение к самому предмету исследования - социализму, - привели к тому, что позитивные результаты в исследовании тех или иных конкретных сторон или явлений формационного перехода до сих пор не обобщены в виде некоей *интегральной теории* этого перехода (теории социализма). Идея научного синтеза, которая в какой-то мере примирила бы альтернативные подходы, варианты, гипотезы (как это имеет место, скажем, в физике или биологии), не получила пока своего развития и воплощения.

В результате, за рубежом, как мы полагаем, наука о социализме никак не может подняться над уровнем конкретных решений и гипотез до уровня общей

⁷ Модель своего отношения друг к другу эти «партии» до сих пор черпают в средневековом фанатизме, делившим все возможные и невозможные суждения только на два класса: божественные откровения, не нуждающиеся в обсуждениях и коррективах, и дьявольская ересь, нуждающаяся не в осмыслении, а в искоренении огнем и мечом. – ЗИФ и ГПК.

формационной теории, общей теории цивилизованного процесса. Предложения в этой области кажутся нам порой неопределенными, порой принципиально неполными, порой просто неосновательно эмпиричными, ибо слабым местом каждый раз оказывается недостаточная принципиальная, философская интегрированность⁸. Избыточная идеологизированность и здесь все же проявляет себя, хотя не в той плоскости и не в столь явной форме, как это было в СССР.

После Октября 1917 г. в России началось постепенное, может быть в чем-то и в какой-то мере вынужденное, но весьма быстро перехлестнувшее все нормы разумного, наступление на любые обобщенные интерпретации реально идущего на основе революции социального процесса. Только после начала нэпа более или менее конкретные стороны развития экономики, культуры, а частично даже политической организации общества, стали предметом весьма активного обсуждения (его прямым результатом был единственный действительно научно обоснованный план экономического и социального развития СССР – план I пятилетки Госплана и ВСНХ). Однако на альтернативные оценки формационного состояния и развития общества был наложен фактически достаточно жесткий запрет. Интерпретация развития общества как движения к социализму была задана дискутирующим в качестве аксиомы.

И хотя даже это не могло устранить стремление науки к альтернативным оценкам исторического процесса на уровне общей формационной теории, находившаяся в самой гуще политической истории социальная наука в СССР могла заниматься проблематикой формационного перехода только в неявной форме, только под прикрытием исследования тех или иных конкретных частных проблем. А после 1929-1930 г.г. любые подобные стали занятием куда как, опасным: любое сомнение в любой конкретной частности руководящих указаний «вождя всех времен и народов» могло быть объявлено стремлением к «реставрации капитализма» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Описание скрытого исследования концептуальных трактовок движения общества к социализму в СССР - самостоятельная большая задача, далеко выходящая за пределы возможного в данной статье. Мы коснемся лишь нескольких эпизодов этой, сначала далеко не во всем явной, а потом в основном неявной борьбы идей, без которых наш сегодняшний анализ был бы невозможен.

Парадоксально, но серьезного, глубокого анализа формационной методологии, на которую К. Маркс опирается в «Капитале», в 20-ые гг. предпринято не было. Сакрализация научного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса оказались заданной «сама собой». Дискуссия об азиатском способе производства, обсуждение проблемы «торгового капитализма», комментарий Д.И. Розенберга к «Капиталу» (скорее поясняющий текст, чем анализирующий саму концепцию и ее методологию), еще буквально несколько работ - вот, собственно, и все. Все это весьма негативно сказалось на поисках в 20-ые гг. определения формационной сущности социализма: налицо оказался острый дефицит научной методоло-

⁸ Напомним, что Г.В.Ф. Гегель считал «современной» только ту философию, которая вобрала в себя все ранее имевшие место концепции и содержит их в себе в снятом виде. (Гегель Г.В.Ф., Энциклопедия философских наук. Том I. Наука логики. М.: Мысль, 1975, с. 90).

гии анализа. Одного этого было бы достаточно, чтобы в какой-то мере вообще отсесть формационный подход к проблеме социализма.

В 20-ые гг. в публикациях по проблеме социализма довольно четко затрагиваются лишь отдельные конкретные вопросы, оказавшиеся в центре внимания авторов. Однако и они, в принципе, позволяли в какой-то степени дать синтетическое представление о социализме. И хотя полный и явный синтез так и не был осуществлен, многие весьма существенные подходы к нему в той или иной степени обозначились.

Прежде всего, надо назвать *проблему соотношения революции и эволюции в процессе перехода общества к социализму*.

Проблема эта в общеметодологическом ключе была поставлена в свое время еще в литературе второй половины XIX века (в том числе К. Марксом и Ф. Энгельсом). На материалах становления и развития капитализма К. Маркс весьма обстоятельно обосновывал единство революции и эволюции в становлении новой формации. Буржуазные революции XVII - XVIII вв. буржуазию к власти не привели и сами по себе буржуазного строя еще не создали. Эти революции лишь *расчистили общественные отношения от остаточных застойных форм предшествующей формации*. Но для *перехода* к новому общественному строю этого еще недостаточно. Нужно, чтобы техническая и культурная эволюция закрепила итоги политической революции, использовала бы возможности преобразования общества, открытые политической революцией.

Марксова методология формационного перехода как фактически *готовый инструмент* анализа новой социальной практики в 20-ые гг. так и не была использована, да, пожалуй, вернее будет сказать, даже не была понята⁹. В противовес ей имела место абсолютизация революционного пути, ведущего к новому общественному строю, гипертрофия роли самой по себе политической революции, поскольку отрицалась сама возможность эволюционного возникновения каких-либо элементов социализма «внутри» капитализма.

В одной из последних работ В.И. Ленина - «О нашей революции. (По поводу записок Н. Суханова)» - наметились подходы к более углубленному, чем в предшествующие годы рассмотрению вопроса о соотношении революции и эволюции в продвижении общества к социализму. Однако эта линия не была затем реализована, не была увязана с теорией «умирающего» капитализма как такой фазы его развития, в которой идет стихийный процесс складывания элементов социализма. Идеологизированная интерпретация проблемы оттеснила научный поиск.

Другая фундаментальная проблема определения существа социализма, также фактически поставленная в работах 20-х гг. и также потом безнадежно потерянная в дебрях вульгарно-апологетической идеологии, - проблема укладов в переходный период и в обществе, которое должно возникнуть как его результат.

⁹ Нами эта идея была высказана в ряде публикаций. Сошлемся на две из них: Файнбург З., Козлова Г. Логика «Капитала» К. Маркса и логика политической экономии социализма // Экономические науки, 1981, № 8; Файнбург З., Козлова Г. Становление новой парадигмы политической экономии социализма // Экономические науки, 1987, № 3.

И в этом вопросе оказался фактически проигнорировано положение формационной методологии К. Маркса об объективной многоукладности первой фазы новой формации, когда «новое» органически переплетено со «старым». Каждое сущностное свойство «нового» имеет в себе как одну из сторон «старое», при этом «старое» и «новое» сосуществуют (соседствуют, сталкиваясь в социальных коллизиях) в рамках этой первой фазы, в том числе как общества (государства) одного и другого формационного качества, сотрудничающие и соперничающие одновременно на уровне межгосударственной политики. В дискуссиях 20-х гг. проблема многоукладности в каких-то неявных формах неоднократно выплывала вплоть до 1929 г. Однако прямых отсылок к методологии К. Маркса мы не нашли.

В конце концов, явно утопическая идея «чистого» (то есть безраздельно одноукладного социализма) утверждается как единственно возможная. Переход к этой одноукладной экономике начинает рассматриваться как единственно возможное завершение переходного периода.

Подход к проблеме многоукладности довольно ясно намечен в работе В.И. Ленина «О левом ребячестве и мелкобуржуазности» (1918 г.), а затем еще более ясно обозначен в работе «О кооперации». И.В. Сталин в 1926 г. подтверждает соответствующую направленность мыслей В.И. Ленина: «... Ленин мыслит госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом»¹⁰. Однако сам И.В. Сталин тут же отменяет такой подход, как, якобы, уже безнадежно устаревший¹¹. Дискуссия о путях строительства социализма на XIV съезде ВКП(б) завершается в том числе и полным осуждением идеи многоукладности социализма.

Весьма серьезной проблемой для научной трактовки продвижения общества к социализму оказался анализ *соотношения субъективного и объективного* факторов в социальном процессе. Фактически эта проблема оказалась одной из ключевых в конечной конфронтации преимущественно науки и преимущественно вульгарной идеологии. Это противостояние отнюдь не было безусловным и жестким: первоначально дискуссии шли целиком на почве науки. Но затем один из альтернативных подходов к проблеме - субъективистский - был выделен, усилен, активно поддержан И.В. Сталиным и его сторонниками, наконец, с их помощью доведен до абсурдной абсолютизации в качестве нормативной идеологической установки.

Эпицентром дискуссий на тему соотношения объективного и субъективного в продвижении общества к социализму явилась **проблема планирования** - его природы, характера, методологии. Аналогичную роль - пространства столкновения объективного и субъективного - выполняла дискуссия о роли и месте товарных отношений в становлении и функционировании социализма.

За этими дискуссиями фактически стояла проблема проблем нашей современной цивилизации: в какой мере история — объективный процесс, кото-

¹⁰ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд-П-ое.М.: Госполитиздат, 1947, с. 153 (в работе "К вопросам ленинизма", январь 1926 г.) - ЗИФ и ГПК.

¹¹ Там же - ЗИФ и ГПК.

рому лишь надо способствовать субъективными усилиями наиболее заинтересованной в этом процессе и наиболее сознательной (сведущей, компетентной) части общества, в какой мере история – пространство преобразующего воздействия разума, призванного придать истории вполне определенную направленность? Но эта высокая философская проблема решалась в данном конкретном случае в своем грубом земном обличьи: то ли план – это, прежде всего обоснованный и просчитанный прогноз, то ли план – это директива, обусловленная субъективно сформированной целью?¹²

Первый вариант основывался на понимании социализма как объективной тенденции истории, реализации которой можно и нужно способствовать с помощью планомерного воздействия на общественные процессы.

Второй вариант основывался на понимании социализма как привносимой в социальную стихию организующей и направляющей эту стихию идеи. Эта вторая трактовка социализма фактически основывалась на методологии утопий XVIII-XIX вв. Соответственно, утопичными были и цели, которые с позиций этого подхода пытались реализовать. Но, кроме того, именно этот подход открывал дорогу к подмене диктатуры рабочего класса личной абсолютной диктатурой «великих вождей»¹³.

Дискуссии по проблеме товарного производства фактически также вращались вокруг проблемы соотношения объективного и субъективного.

Сторонники абсолютизации субъективного в принципе отрицали возможность какой бы то ни было товарности при социализме, а в переходный период трактовали товарность в ключе инструментальном: считали, что оно допускается (а не само по себе присуще переходным отношениям), используется в преобразованном виде и т.п. В конце концов (уже в 40-ые гг.) эта трактовка товарных отношений была перенесена и на социализм.

¹² Полемика вокруг формационных подходов к планированию велась очень широко. Весьма типичным в этой полемике нам кажется столкновение позиций Н.Д. Кондратьева («Плановое хозяйство» 1927, № 4) и С.Г. Струмилина («Плановое хозяйство», 1927, № 3). Первый доказывает, что в плановой деятельности должно доминировать (речь идет и у Н.Д. Кондратьева и у С.Г. Струмилина именно о доминировании, а не об абсолютной однородности) обоснование, второй – директива. На позициях близких к С.Г. Струмилину стоял Г.М. Кржижановский, близких к Н.Д. Кондратьеву – В.Г. Громан, В.А. Базаров, П. Лященко и др.

Аналогичной была полемика о судьбах товарного производства. И здесь фронт дискуссии был очень широк, количество точек зрения очень велико. Может быть, стоит отметить, что и в среде ученых-коммунистов, считавших себя именно марксистами, были сторонники того, что регулятором экономики и в условиях социалистического строительства должен быть закон стоимости (конечно, взаимодействующий с планом): В.Е. Мотылев, И.Т. Смилга, В.М. Смирнов, Г.Я. Сокольников. Был ряд экономистов, позицию которых можно назвать близкой к этой (в том числе Н.И. Бухарин). Но наиболее характерной по своей аргументации, как нам кажется, была полемика Л.Н. Юровского и Л.А. Леонтьева: «Вестник финансов», 1926, № 12 и «Плановое хозяйство», 1927, № 4. Весьма последовательно развивал концепцию необходимости органического соединения плана и рынка (при доминировании планового начала) А. Айхенвальд.

В целом дискуссии 20-х гг. рассмотрены в удачной книге В.Е. Маневича «Экономические дискуссии 20-х годов» (М.: Экономика, 1989). Надо отметить и ряд работ, выполненных в предыдущие годы под руководством Л.Д. Широкограда (Ленинград). – ЗИФ и ГПК.

¹³ См. нашу публикацию: Файнбург З., Козлова Г. Какой социализм мы строили? // Политическое образование, 1989, № 18.

Другой точкой зрения было признание товарных отношений безусловно сущностными для переходного периода и сохраняющимися в каких-то (но тоже сущностных) формах и при социализме. Эта позиция в 1929-1930 гг. была названа «реставраторской» (имелась в виду реставрация капитализма в СССР), враждебной делу социализма, ее сторонники были в 30-ые гг. репрессированы, а признание сущностного характера товарных отношений при социализме стало одним из мотивов обоснования репрессий.

В литературе 20-х гг. в СССР все этого рода кардинальные проблемы формационного перехода (от капитализма к социализму) решались как пакет самостоятельных, обособленных частных проблем: развитие тяжелой промышленности - отдельно, развитие производственно-технической базы сельского хозяйства - отдельно, судьбы товарных отношений - отдельно, развитие самой методики планирования - отдельно и т.д. и т.п. Отсутствие синтеза (чему мешали вульгарные идеологические установки) не позволяло взглянуть на каждую из этих конкретных частных проблем с высоты общей теории данной конкретной фазы социальной истории, общей методологии ее понимания и изучения.

Одну из причин такой раздробленности мы видим в том, что идеологическому обоснованию «культы личности» ничто так не угрожало, как наличие обобщенной («высокой») научной теории формационного перехода, теории социализма. Такая теория сразу сделала бы видимыми все те деформации социализма, на которых основывается «культ личности» как паразитная для социализма система. Наука по самой своей природе - по логике деперсонализированных (обезличенных) выводов и беспощадности столь же деперсонализированной критики - неизбежно срывала бы с «вождя всех времен и народов» не только золоченные мундиры, но даже и фиговые листки... Наука была и остается самым верным и безотказным средством обнаружения голых королей...

Разгром И.В. Сталиным советского обществоведения в 1928-1931 гг. не остановил, однако, изысканий в области теории социализма. Здесь мы имеем в виду не только подпольные издания типа манифеста группы М.Н. Рютина, не только выступления на закрытом пленуме ЦК Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, не только то, что шло «в стол» (и возможно до сих пор где-то ждет своего часа), но и те, правда, немногочисленные работы, которые находили свой путь к легальным научным изданиям, а потому оказывали свое воздействие на процесс научного осмысления социализма.

Среди публикаций 40-х - начала 50-х гг., наиболее глубоко рассмотревших проблемы теоретического анализа социализма, мы выделили бы три наиболее типичные работы, располагая их не в хронологическом порядке, а по критерию содержания.

Первой мы бы назвали статью А.А. Пальцева «О структуре «Капитала» К. Маркса» (1951 г.)¹⁴. Характеристика структуры «Капитала» К. Маркса, приве-

¹⁴ А.А. Пальцев - канд.экон.наук, доцент. Работал в Московском институте советской кооперативной торговли зав. кафедрой политэкономии. По совместительству вел в 1946-1948 гг. спецсеминары по "Капиталу" К. Маркса на экономическом факультете МГУ им. Ломоносова. Изгнан из МГУ в 1948 г. за свое критическое отношение к официальной политэкономии. А.А. Пальцев первым в СССР опубликовал в те же годы (в

денная в этой статье, в чем-то была традиционной, но содержала два момента, чрезвычайно важных для формирования научной теории социализма.

В статье был сделан акцент на методологические принципы построения экономической теории К. Маркса, а не на пересказ ее содержания. А.А. Пальцев проводит через всю статью идею, что именно методология у К. Маркса наиболее ценна и, безусловно, применима для разработки политической экономии социализма.

В статье А.А. Пальцева впервые в советской литературе, насколько нам известно, сказано о принципиальном значении для экономической теории и практики той ступени движения от абстрактного к конкретному, которая в «Капитале» только названа, намечена, но не развернута. Речь идет об анализе сферы непосредственной конкуренции капиталов, являющейся ступенью действительного, завершающей восхождение от абстрактно-всеобщего к конкретному через промежуточную фазу особенного.

К. Маркс не предполагал писать пособие для практикующих капиталистов. Но ведь именно анализ сферы действительного как раз и представляет переход от теории к практике, от идей к социально-экономическим технологиям.

В последствие прежде всего применительно к сфере действительного развернулись идеи кейнсианства и неокейнсианства, монетарной школы, институциональной школы, маржинализма, шведской школы и др. Как раз в анализе прежде всего этой сферы, они, в чем-то отпавляясь (или отталкиваясь) от Д. Рикардо и К. Маркса, пошли дальше и того и другого, существенно развили и дополнили их.

А.А. Пальцев своим анализом марксовской методологии исследования социализма фактически вышел к критическому рубежу различения подлинной науки (закономерно завершающейся выработкой социально-экономических технологий, соединяющих высокую теорию и повседневную практику) и вульгарно-апологетической идеологии (всегда остающейся на уровне абстрактных постулатов относительно окружающего мира). Практика «культы личности» в принципе субъективна, но пытается скрыть свой субъективизм за научной фразеологией и ритуальными клятвами марксизму. Методологические же изыскания А.А. Пальцева, хотел он сам того или нет, обнажали научную несостоятельность маскировки субъективизма в официальной сталинской трактовке социализма. По своему объективному содержанию это был ощутимый удар по псевдомарксизму.

Другим достаточно весомым, по нашему мнению, ударом по вульгарно-апологетической официальной концепции социализма была статья Н. Власова «К вопросу о движущем противоречии социалистического общества» (1940 г.)¹⁵

В статье, вопреки повсеместно распространившейся в 30-ые гг. официальной концепции отсутствия сущностных противоречий при социализме (то есть установки на то, что социализм представляет собой исключение из общих зако-

нач. 50-х) фундаментальные работы по теории народного (национального) дохода. Участник экономической дискуссии в ЦК ВКП (б) 1951 г. Указанная нами статья А.А. Пальцева была опубликована в журнале: Вопросы экономики, 1951, № 9.

¹⁵ Журнал «Под знаменем марксизма», 1940, № 3-4.

номерностей материального мира, поскольку это - общество, основанное на гармонии, тождестве, единстве и т.п., но не на противоречиях), доказывалось, что такого рода исключения невозможны в принципе. Социализму присущи противоречия, характеризующие не какие-то аномалии или внешние влияния, а самую суть данного общества. Меняется историческая форма социального противоречия, но сам по себе закон противоречия не может быть снят, отменен и т.п. Более того, в статье фактически (хоть и не в явной форме) предпринималась попытка нащупать основное противоречие социализма, обуславливавшее его развитие как целого (то есть его формационное изменение).

Таким образом, и эта работа создавала предпосылки формирования действительно научной концепции социализма.

Не все в статье Н. Власова с позиций современности безусловно. Однако и до сих пор официальное общественное мнение не пошло дальше этой статьи в трактовке парадигмы формационной концепции социализма. Ни в учебнике политической экономии под редакцией В.А. Медведева, Л.И. Абалкина и О.И. Ожерельева (1988 г.)¹⁶, ни в монографии «Основы теории социализма» под редакцией Г.Л. Смирнова (1989 г.)¹⁷ авторы не поднялись до элементарного требования последовательно диалектической методологии - анализа существа какой-либо формации (или ее фазы, каковой является социализм) обязательно и неукоснительно через ее основное отношение и, соответственно, основное противоречие.

Третьей важной для теории социализма публикацией мы считаем извлечение из обширной рукописи Б.И. Шенкмана (дату написания по тексту установить невозможно, публикация осуществлена в 1966 г.) «Духовное производство и его своеобразие»¹⁸.

Работа Б.И. Шенкмана чрезвычайно интересна сама по себе. Ничего общего с плоскостной унылостью официальной концепции, вершиной которой всегда были (по традиции, заведенной в 1937 г. выходом в свет «История ВКП (б). Краткий курс») крикливые по лозунгам, но серые по изложению, а главное в принципе не стыкующиеся с реальной практикой учебники, рукопись Б.И. Шенкмана не имеет. Если и сегодня официальные учебники устаревают раньше, чем успевают выйти в свет, то работа Б.И. Шенкмана представляет серьезный научный интерес и сегодня, хотя некоторые ее положения несут на себе явные следы своего времени и определенной исторической ограниченности.

В данном контексте (когда мы рассматриваем преимущественно в историческом ключе генезис идеи социализма) работа Б.И. Шенкмана говорит нам о том, насколько фундаментальными могли быть подлинно научные исследова-

¹⁶ Политическая экономия. Учебник для высших учебных заведений. М. - Политиздат, 1988.

¹⁷ Очерк теории социализма. - М.: Политиздат, 1989.

¹⁸ Вопросы философии, 1966, № 12.

Б.И. Шенкман (1903-1962) - канд.экон.наук, доцент Московского института народного хозяйства. Рукописное наследие его творчества (в т.ч. рукопись К вопросу о закономерностях социализма и коммунизма), малая часть которого была опубликована по рекомендации Н.С. Злобина в журнале «Вопросы философии», весьма показательно: оно находится на качественно ином, собственно научном уровне по сопоставлению с официальными работами по теории социализма.

ния, ложившиеся «в стол» около 60 лет назад¹⁹.

Сейчас публикуется много художественных произведений, ранее не публиковавшихся в СССР по тем или иным (цензурным или идеологическим) причинам. А вот серьезного внимания розыску и публикациям философской, исторической и социально-экономической литературы не уделяется до сих пор. Научная литература - не романы и стихи. Она может в какой-то своей части устареть в ту самую минуту, в какую высохли чернила на очередной странице. Но вместе с тем в подлинной науке всегда сохраняется непреходящее. Ради этого и надо искать, надо публиковать. Только тогда может вырисоваться непрерывная цепочка исследования многих глубоких и фундаментальных философских и обществоведческих проблем (в том числе и в общей теории социализма), которую не смог прервать и погасить никакой "культ", не могли запретить никакие властолюбивые "гении всех времен и народов".

С середины 50-х - начала 60-х гг. ситуация в науке резко изменилась. Произошло четкое размежевание науки официальной (воплощавшейся во все те же директивные труды типа учебников по научному коммунизму П.Н. Федосеева и более поздних по этому же предмету – В.Ф. Халипова и Э.В. Тадевосяна) и науки, которую можно условно назвать "периферийной" (поскольку она ручейками - в негонимых и неакадемических журналах, книгах местных издательств, тезисах конференций и симпозиумов, ученых записках вузов и т.п. - осторожно обегала могучий утес официальной апологетики). Пока официальная наука с невероятным усердием выясняла отличия "развитого" социализма, "периферийная" наука успела выдвинуть и в какой-то мере обсудить концепцию основного отношения и основного противоречия при социализме, ряд принципов методологии современной обществоведческой теории, идею внутренней дискретности собственности при социализме, вопросы товарных отношений и закона стоимости при социализме, идею многообразия отношений социальной структуры коллективистского общества (при этом была доказана научная несостоятельность вульгарной и апологетической теории движения общества к "полной социальной однородности") и т.п. и т.д.

Отсутствие элементарных условий для подлинной научной дискуссии очень серьезно мешало развитию подлинной науки, мешало коллективной выработке устойчивых альтернативных позиций, способных и по науковедческим критериям претендовать на истинность. Вместо дискуссий чаще всего имело место простое постулирование той или иной идеи. Обсуждать ее по сложившейся логике и этике научного процесса было не только трудно, но притом еще и совершенно необязательно. Более того, истинное обсуждение с неизбежно критическим настроением могло бы объективно в тех условиях принять характер либо доноса, либо разноса. Все это практически сделало очень и очень затруднительным интеграцию, синтез отдельных постулатов "периферийной" науки в целостные концепции, хотя и такие попытки имели место.

Такова пунктиром обозначенная (и ни в коей мере не более того) схема

¹⁹ Одним из совсем недавних свидетельств этого рода является публикация чрезвычайно интересной и своеобразной книги С. Платонова (псевдоним) «После коммунизма». Книга, не предназначенная для печати. - М.: Мол. Гвардия, 1989.

развития общей теории социализма в СССР. В находившихся под прямым идеологическим влиянием СССР (и под давлением своих отечественных вульгарно-идеологических концепций "культовой" природы) странах Восточной Европы, теория социализма развивалась (и тем самым одновременно деформировалась) аналогичным путем. Воссоздание сколько-нибудь полной истории науки в этот период требует специальных больших разысканий, причем, прежде всего надо изменить сам взгляд на предмет этих разысканий: надо сначала договориться, что считать социализмом, чтобы строить подлинную историю его теории...

Зарубежные исследования по теории социализма для нас еще более трудны с точки зрения их обобщения.

В советской литературе по теории социализма господствовала религиозно-подобная метода отношения к любой версии социализма, кроме официальной для СССР. Все другие версии были заведомой ересью, официальная - единственно верным словом Божиим. Литература по так называемой "критике немарксистских концепций социализма" большей частью представляет собой совокупность ярлыков негативного толка, концентрацию не столько аргументов, сколько хулы и обвинений.

Ведущий и определяющий принцип научной критики - интеграция всего позитивного в любых точках зрения, если они хоть в какой-то степени обоснованы реалиями, - в официальной советской концепции социализма места себе не находил. Теперь именно с позиций этого принципа необходимо переосмыслить все публикации, все концепции, где в той или иной степени ставится проблема социализма. Литература этого рода воистину необъятна.

Прежде всего, надо было бы выделить очень большой пласт литературы развивающихся стран, где трактуются идеи национального социализма и религиозного социализма. Основой для этой литературы продолжает служить большей частью утопический социализм в сочетании с социализмом мелкобуржуазным, традициями национальной культуры и т.п. Исследование этой литературы - самостоятельная большая задача, однако по своему историческому месту она опирается преимущественно на социалистические идеи, предшествовавшие марксизму. Эту ступень современная научная концепция социализма (какой бы из нее альтернативных вариантов мы не взяли) прошла еще в XVIII - XIX вв., начале XX в.

Проблемы социализма получили отражение почти во всех социально-философских концепциях XX в. (в том числе в русской религиозной философии). В основном в этой литературе преобладает критическое отношение к социализму, однако в качестве социализма рассматривалась преимущественно сталинская его деформация, "культ личности" как социальная система. Критика "русского коммунизма" Н.А. Бердяевым, критика коллективности как принципа социальной организации Ж.-П. Сартром, утверждение К. Ясперсом всеобщности социализма в современном обществе весьма интересны и плодотворны, однако целостной позитивной концепции социализма они не дают.

Критическая направленность преобладает также в работах западных советологов, в работах выходцев из коммунистических партий, выступивших с

критикой вариантов авторитарного социализма (М. Джилас, Р. Баро, А. Шафф и др.). В этой группе наиболее, может быть, интересны для формирования современной позитивной концепции социализма работы Р. Баро (предлагающего несколько идеализированную концепцию коллективности, в чем он выступает как своего рода последователь Дж. Оруэлла) и О. Шика (весьма последовательно развившего экономическую концепцию "Пражской весны 1968 г." - концепцию "рыночного социализма").

Самого серьезного внимания заслуживают работы и особенно социальная практика социал-демократических и социалистических партий. Эволюционная трактовка перехода к социализму отражена в работах и Г.В. Плеханова, и К. Каутского, и Р. Гильфердинга, и ряда современных теоретиков социалистического и социал-демократического движения. Практическая направленность эволюционистской трактовки социализма получила наиболее последовательное и одновременно обобщенное воплощение в программных документах. Акцент в них сделан не на формационную характеристику социализма, не на его трактовку с точки зрения формационного перехода, а на политическую демократию как главное звено и в существовании современного общества и в вариантах его совершенствования [15].

Речь не может идти лишь о смене фронта вульгарной апологетики, о том, чтобы теперь лицом повернуться к социалистическим и социал-демократическим концепциям, а спиной - к коммунистическим. Раздвоение социалистической тенденции на полярно противоположные полюса не могло и не может быть истинным, поскольку исторический процесс в основе своей есть единство революции и эволюции. Размежевание же привело к абсолютизации своей позиции, к ее гипостазированию. На данный момент социал-демократия успешнее решила какую-то часть социалистического преобразования общества, однако это не означает ее монополии на абсолютную истину. Обвинения ее (социал-демократии) в соглашательстве с монополистическим капиталом не были лишены оснований в прошлом и не лишены этих оснований сейчас [16]. Вот почему мы полагаем, что опыт социал-демократии (и позитивный, и негативный) должен быть обязательно учтен при выработке современной позитивной концепции социализма, но учтен в той же мере критически, как и опыт коммунистического движения.

Очень важное место в обновленной концепции современного социализма должны занять работы экономистов, не принадлежащих к ортодоксальному марксизму. В той или иной мере они рассматривали характер экономических процессов в многоукладной экономике, в коллективистской (социалистической) экономике. Современная трактовка социализма как многоукладной экономики (фактически не столь уж новая, ибо сам такой подход методологически обоснован К. Марксом), в которой экономическое "новое" (элементы коллективного, непосредственно обобществляемого) органически переплетены со "старым" (элементами индивидуалистического, опосредствованно обобществляемого) заставляет считать, что любой исследователь "коммуникативных" по своей природе экономических процессов" [17] так или иначе касается проблем современной теории социализма, каковы бы ни были его личные политические (партий-

ные) симпатии [18]. В этом ряду авторов, которых традиционная история социалистической мысли оценивала обычно как врагов социализма, как апологетов капитализма, как только и исключительно вульгарных экономистов, отрицая наличие в их работах позитивного исследования, мы найдем и Артура С. Пигу, и Л. Вальраса, и экономистов так называемой "шведской школы" (на трудах которых уже около полувека в значительной мере основывается экономическая политика социал-демократических правительств Швеции), и Йозефа А. Шумпетера, и Дж.М. Кейнса, и Дж.К. Гэлбрайта, и Джоан Робинсон и многих других.

Все эти авторы исследовали преимущественно сферу действительного, то есть преимущественно конкретные социально-экономические технологии. Но в многоукладной экономике капитализма третьей фазы его формационного развития (фазы "умирания") и в многоукладной экономике первой фазы (фазы "становления") коллективистского общества (то есть при социализме) хозяйственный механизм не может не иметь черт сущностного сходства. Если на этих сосуществующих фазах старой (уходящей) и новой (становящейся) формаций однотипны производительные силы, то черты какой-то однотипности должны присматриваться и в экономических отношениях, а тем более в хозяйственном механизме. Исследуя современный капитализм, все эти авторы не могли не затрагивать и каких-то вопросов конкретного функционирования современного социализма.

Очевидно, что аналогичные изыскания, позволяющие в чем-то обогатить современную научную теорию социализма, должны быть сделаны и в других обществоведческих науках, а не ограничиваться политической экономией.

*

*

*

Если попытаться подытожить нашу попытку беглого обзора генезиса идей в современной концепции социализма, то выводы будут не слишком утешительными для традиционной истории социалистической мысли, как она на протяжении ряда десятилетий развивалась в СССР.

Традиционная история социалистической мысли, как мы уже отметили, грешила религиозоподобной методологией, пытаясь возвести в абсолют, в ранг безальтернативной истины ортодоксально незыблемый на все века и эпоха "марксизм-ленинизм". Такой подход не имел ничего общего ни с наукой в принципе, ни с К. Марксом, ни с В.И. Лениным. Теперь история социалистических идей возвращается в лоно науки, что неизбежно повлечет изменения и в структурных, и в содержательных моментах этой истории.

С именами К. Маркса и Ф. Энгельса действительно связан переворот в материалистическом научном обосновании истории, в научном обосновании, научной интерпретации идеи социализма, но это отнюдь не означает их монополии на научную истину и в их собственное и уж, тем более, в более позднее время. Как любая точка зрения в науке вообще (в том числе и классика науки), их взгляды должны оцениваться с позиций историзма, подвергаться научной критике, обогащаться с позиций всего позитивного нового, что привносит в

науку ее развитие в ходе изменения социальной практики.

Любая точка зрения, если она хоть каким-то краем отвечает критериям научной методологии, может добавить что-то свое, что-то новое в научную концепцию социализма. Отнюдь не все в идеях того или иного автора может удовлетворять научную концепцию социализма, но это и не требуется. Да и у классиков отнюдь не все - классика. Личное отношение автора к самой идее социализма, его личные симпатии и антипатии при этом не имеют никакого значения, ибо научная истина в своем конечном итоге (когда она проверена практикой и воплощена в практику) по предметному содержанию деперсонализована, обезличена. Личное имело значение в ее генезисе, но в конечном результате, когда научное исследование принимает форму истины, в ней снято ее происхождение, снято личностное.

Научная теория социализма отнюдь не должна выглядеть как некое монолитное единомыслие. Для науки естественны и органичны альтернативные точки зрения. Важно лишь, чтобы речь шла не о фантазиях, а об обоснованных гипотезах. Каждая такая гипотеза должна проверяться практикой (с учетом всей специфики соотношения теории и практики в социальных науках).

В анализе генезиса и сущности социалистических идей мы, конечно, имеем дело отнюдь не с пустым местом. Многое найдено, многое осмыслено. Однако сегодня еще больше надо сделать, ибо существенно изменились и продолжают меняться наши представления о самом социализме.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ.

Статья I. Социализм как объект исследования:
опыт современной трактовки проблемы.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

15. В последнее время были опубликованы два программных документа, принятых XVIII Конгрессом Социалистического Интернационала (Стокгольм, 1989, 20-22 июня):

Извлечения из "Декларации принципов" (Коммунист, 1989, № 16).

"К экологической безопасности: стратегия долговременного выживания" (Рабочий класс и современный мир, 1989, № 6, 1990, № 1.)

16. П.М. Абовин-Егидес: "...Все социал-демократы - это партия, которая стремится модернизировать капитализм, не уничтожая его сущности..." Беседа с ред. журнала "Общест. науки" (№ 5, 1989, с. 146-147).

17. Новые книги за рубежом по общественным наукам, 1988 г., № 11

18. Весьма показателен в этом отношении взгляд Иозефа А. Шумпетера на К. Маркса, который приведен Б. Селигменом в его книге "Основные течения современной экономической мысли" пер. с англ., М.: Прогресс,

1968): "...несмотря на свои политические убеждения, К. Маркс был заинтересован в решении экономических проблем, как таковых" (с. 477).